

ПРЕОДОЛЕНИЕ КОНФЛИКТА: СТРАТЕГИИ КОСВЕННОГО ПОРИЦАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению косвенных стратегий реализации порицания, причиной появления которых является стремление говорящего избежать открытого конфликта, соблюсти (хотя бы внешне) этикетные формы общения. При всей безобидности косвенных форм порицания их появление в релевантном ситуативном контексте однозначно маркирует интенцию говорящего — указать на несоответствие действий или поведения адресата норме и побудить его исправить отрицательно оцениваемое положение дел.

Ключевые слова: речевой акт, конфликт, порицание, косвенный, констатив, оценка, референция, семантическая инверсия.

N. Trofimova

OVERCOMING OF CONFLICT: STRATEGIES OF INDIRECT CENSURE

The article is devoted to the analysis of indirect strategies of blaming which the speaker use to avoid the open conflict, to observe — at least outwardly — the etiquette dialogue forms. At all inoffensiveness of indirect forms of blaming their occurrence in a relevant situational context unequivocally marks the intention of the speaker — to specify in discrepancy of actions or behavior of the addressee to norm and to induce him to correct the negatively estimated state of affairs.

Key words: speech act, conflict, blame, indirect, statement, evaluation, reference, semantic inversion.

В лингвистических работах явление косвенности изучается главным образом на примере высказываний, связанных с конфликтной ситуацией общения, а ее причинами признается стремление создать

благоприятную коммуникативную обстановку, избежать использования наименее этикетных языковых форм, сохранить собственный статус и авторитет слушающего, поскольку воздействие эксплицит-

ных форм порицания порождает дискомфортные для адресата ситуации, сопряженные ощущением своей незащищенности. Такой личный дискомфорт имеет последствия для согласованной коммуникации в целом, потому в порицании очень велик процент косвенных речевых актов — чаще всего конвенциональных высказываний, при восприятии которых снимается необходимость дополнительных инференций. Все конвенциональные речевые акты легко делятся на три большие группы: порицания в форме констативов, порицания в виде вопросов и порицания в виде побуждений. В настоящей статье рассматриваются порицания первого, наиболее распространенного типа — высказывания, облеченные в форму повествовательных предложений.

Порицание в форме констатива направлено на то, чтобы адресат исправился в момент говорения, в них, как и в любом порицании, заложена некоторая доля императивности: *Sie setzen meine Mandatin unter Druck, Chief Tnspektor <...> (Graham) := Sie setzen meine Mandatin unter Druck, Chief Inspektor, das schatze ich negativ ein und bitte Sie, Ihre Fragen anders zu formulieren, sonst bin ich gezwungen, ihr den Rat zu geben, sich weniger kooperativ zu verhalten.* Первичная иллоктивная цель констативов — довести до сведения адресата некоторую информацию. Но эта цель не может считаться самостоятельной, поскольку речь идет не просто об известном, а об очевидном слушающему положении дел: *Du tust mir weh (Noll).*

Об уходе основной иллокции на второй план можно говорить также в случае констативов, напоминающих адресату его собственные автобиографические данные (возраст, пол, родственные связи, социальное положение и т. п.): <...> „Überfünf Jahre ist der Junge jetzt alt, und erst jetzt besinnen Sie sich auf Ihre Mutterpflichten. Nach tiberfünf Jahren... (Uhl). Такие высказывания представляют собой один из

наиболее распространенных косвенных способов выражения отрицательной оценки собеседника. Говорящий знает, что содержание его высказывания не является новостью для партнера по коммуникации, но он тем не менее нарушает максиму релевантности и сообщает партнеру хорошо известный ему факт. Оправданной подобная информационная избыточность может быть лишь в случае, если семантика высказывания не исчерпывается только его денотативным содержанием, а включает дополнительные неконвенциональные значения, в нашем случае порицание. Задача адресата — уловить действительную интенцию говорящего и обнаружить истинный смысл, скрытый за безобидной, на первый взгляд, констатацией факта. Совершенно очевидно, что основной вес в таких высказываниях приходится на долю pragматического значения констативов, объективное содержание является всегда лишь отправной точкой, поводом для передачи глубокого субъективного смысла, который и составляет истинный мотив говорения.

В порицании-константиве могут быть представлены несколько стратегий¹:

1. **Порицания с изменением референциальной соотнесенности.** Одной из наиболее популярных стратегий порицания является преобразование различных элементов прямого оценочного высказывания, в частности преобразованием референциальной соотнесенности объекта или субъекта порицания. Примером реализации такой стратегии может служить высказывания с заменой конкретной референции субъекта и объекта оценки одновременно на неопределенную: *A lies wird einem missgdnnt in diesem Haus! (Kroetz).* В приведенном высказывании, формально представляющем собой констатацию неблагожелательной семейной атмосферы, оценка выражается глаголом *missgognen*, обозначающим социально порицаемый образ действий, поведения. Но в нем не называется ни конкретный адрес-

сат, ми субъект оценки (ср. *Du missgönnt mirrolles*) — порицаемое поведение приписывается неопределенному субъекту, за которым явно «просвечивает» адресат. Вывод о выражаемом порицании мы делаем, проведя некоторые инференции: *Alles wirkt! einem <mir> missgeht in diesem Hause! Das schätze ich negativ ein und werfe es <meinem Partner> dir vor, weil du mein Missgebrüder bist.* Удобным языковым средством выражения неопределенности адресата (поскольку он без труда определяется в контексте и ситуации) являются двучленные пассивные конструкции: *Die Kirche wird in unserem Haus nicht verunglimpft!* (*Steingruber*) — простая, на первый взгляд, констатация несовершения некоторого действия является в определенной pragматической ситуации категоричным требованием прекратить порицаемое действие: > *Die Kirche wird in unserem Haus nicht verunglimpft! Sie verunglimpfen aber die Kirche, was ich negativ einschätze; ich bitte Sie daher nachdrücklich, mir der Verunglimpfung der Kirche aufzuhören.* Именно неназывание адресата способствует усилению категоричности порицания, поскольку такое структурно строгое, нераспространенное высказывание всегда привязано к коммуникативной ситуации и адресуется совершенно конкретному партнеру, совершившему предосудительные действия, в нашем случае неуважительно высказавшемуся о церкви и ее служителях. Введение распространителей, назидательных рассуждений «по поводу» «разжижает» концентрированность порицания, отвлекает внимание адресата от его истинной интенции.

Распространенным способом порицания без указания на объект порицания является использование предложений с неопределенно-личным местоимением *man*: *Deswegen braucht man nicht zu schreien!* (*Steingruber*). Тождественность объекта оценки в приведенном высказывании его адресату проверяется законом взаимозаменяемости тождественных ве-

личин: тождественны те величины, которые могут заменять друг друга без изменения истинностного значения предложения: *Deswegen braucht man nicht zu schreien! = Deswegen brauchst du nicht zu schreien!* О правильной интерпретации высказывания как порицания свидетельствует агрессивная реакция его адресата, настаивающего на своем праве выполнять отрицательно оцениваемое действие: — *In meinem Hause schreie ich, solang es mir passt!* (*Steingruber*).

Популярной стратегией упрека-выражения обиды является перечисление в присутствии адресата порицания всего, что неопределенный субъект сделал для виртуального объекта речи (которым, собственно, является адресат порицания): *So ist es, Herr Direktor. Da hat man einen Sohn, man erzieht ihn, man glaubt, er wird ein guter,fleißiger Mensch. Man tut alles für ihn, man ist nicht mehr sein Vater, sondern sein Freund. Man glaubt, dass es nichts auf der Welt gibt, was sich Vater und Sohn nicht sagen könnten — und dann erfährt man, dass er er liigt, dass er systematisch lügt, dass er ein falsches Spiel treibt, dass er — (Konsalik).* Такие высказывания — своего рода «причитания» — имеют целью воздействовать на совесть адресата, вызвать у него чувство раскаяния. Говорящий обращается к моральным правилам, по которым должен жить каждый нравственный человек: не лгать, быть честным, возвращать добро. Во второй части приведенного высказывания, которое начиналось просто как сообщение о том, как бывает в жизни, о неопределенной семье и об отношениях в ней, появляется выражение оценки (*liügen, ein falsches Spiel treiben*), усиленное повтором и квантификатором *systematisch*. Это свидетельствует о нарастании степени эмоциональности порицания. И когда порицаемое лицо попытается вставить слово (*Vater —*), сдерживающие эмоции прорываются наружу и уже в прямом порицании обрушаются на соб-

стненно адресата порицания: *Sei still! Wären wir jetzt zu Hause, ndhme ich den Wdscheknippel... ganz gleich, was daraus werden wiirde! Belogen hast du mich! Deinen Vater und deine Mutter belogen! Wegen eines Weibsticks...* (*Konsalik*). Партнер по разговору в таких ситуациях уходит на второй план, он не играет, по сути дела, никакой роли, он является фоном, на котором происходит общение говорящего и третьего, порицаемого лица, называемого в данном случае неопределенно *der Sohn eines Vaters*.

Большую группу косвенных порицаний составляют высказывания с расширением объекта оценки — заменой его конкретной референции на обобщенную, например: *Natiirlich, ihr Weiberleut wollt immer gern Ehen stiffer, was dabei herauskommt, ist each letzthin gleich* (*Bruchner*). Отрицательная оценка выражена в приведенном порицании имплицитно — только декларируется неблаговидность одного из любимых — по мнению говорящего — занятий женщин, порицаемых обществом — сводничество. Оценка направлена адресату, но касается не его (ее) конкретно, а всех женщин как категории *{ihr Weiberleut}*. Наречие *immer* интенсифицирует высказывание, указывает на постоянность, повторяемость действия.

Высказывания с обобщенным объектом порицания очень разнообразны. Часто адресат причисляется к категории лиц, от природы наделенных, по мнению говорящего, отрицательными качествами, например: <...> *Haben Sie sich ma/ in meine Lage versetzt? Wenn Sie das als Mann überhauptkönne... Männer sind doch alle gleich, roh und gefühlslos...* (*Wussow*). Типично «межгендерное» порицание-упрек, относящее адресата к представителям противоположного пола и наделяющее его всеми возможными отрицательными качествами. Совершив несколько семантических интерпретирующих шагов, мы эксплицируем истинный смысл высказыва-

ния: *Sie können sich in meine Lage nicht versetzen, weil Sie ein Mann und deshalb ebenso roh und gefühlslos wie alle Männer sind*. Речевое общение представляет нам множество примеров таких межгендерных порицаний (ср. высказывание *Natiirlich, ihr Weiberleut wollt immer gern Ehen stiffer, was dabei herauskommt, ist euch letztthin gleich*). Вот еще один образец «мужского» порицания, представляющего женщин легкомысленными созданиями, не имеющими понятия о честности и верности, основное занятие которых — дурачить мужчин: *Lieberein stummer Einsiedler, als Narr für euch Weiberleut!* (*Altenried*). Высказывания такого рода (с компаративами общей оценки) Н. Д. Арутюнова называет предложениями операционального предпочтения², которое устраняет альтернативу (*Narr für die Weiberleut*) и программирует действия. Компаратив *lieber* относится к ситуации, создаваемой волей и действиями говорящего, и сопоставляет логически несовместимые положения дел (*stummer Einsiedler* *Narr für die Weiberleut*).

При обобщении объекта оценки встречается стратегия называния неблаговидных действий, порицаемых обществом, к исполнителям которых имплицитно причисляется и адресат: *Einem Madl den roten Hahn aufs Dach setzen, das tun nur feige Lumpen. Zu denen will ich nicht gehdren* (*Brunner*). Говорящий эксплицитно отграничивает себя от адресата, о котором точно знает, что именно он нанес вред объекту речи, и которого он относит к категории «трусливых негодяев», давая ему тем самым эксплицитную оценку.

Обобщение объекта оценки может иметь самые разные пределы — от отдельной группы до целого мира, в последнем случае значительно возрастает степень эмоциональности и интенсивности порицания, недовольство говорящего раздвигает границы коммуникативной ситуации, конкретный адресат растворяется в категории «все»: *Jetzt langt's mir aber! Lang-*

sam scheint mir, dass sich a lie Welt in meine Angelegenheiten einmischen will. Jeder versucht, mich von was abzubringen... (Brunner).

Косвенное порицание достигается путем *смещения объекта оценки* — оценивается не адресат высказывания, а третье лицо, присутствующее при этом: *Deine Tochter hat nu g ihren Putz im Kopf, Hebe Schwiegermama!* (*Steingruber*). На имплицированную отрицательную оценку в приведенном высказывании указывает только наречие *nig*, подчеркивающее скучность ума оцениваемого лица, занятого только самосозерцанием и самолюбованием. Употребление слова *Putz* в переносном значении для обозначения средств макияжа также показывает отрицательное отношение говорящего к образу жизни адресата порицания. Перлокутивный эффект такого порицания не менее силен, чем в случае прямого порицания, которое применяют осторожно, в строго рассчитанных дозах, поскольку иначе оно чревато опасностью перейти в оскорбление. Еще примеры такого рода: порицание адресата порицания (но не адресата высказывания) за то, что он не считает нужным делиться с близкими важными новостями: *Barbara, das sage ich dir, heirate nie einen Puttmann! Die machen das Maul nur an der Theke auf* (*Konsalik*). Приведенное порицание произносится в ситуации, когда супруг автора порицания — опытный шахтер, отец семейства, возвращается домой после проведения опасной операции спасения пропавшегося в заброшенную шахту ребенка и, не сказав за весь вечер ни слова о прошедшем, только перед самым сном мимоходом сообщает жене о том, что могло стоить ему жизни. Говорящая формально направляет свое высказывание дочери, но говорит намеренно громко, чтобы ее слышал муж. Таким образом, это высказывания, без сомнения, является экспрессивным порицанием-упреком, значительно более действенным, чем прямое агрес-

сивное порицание, которое, возможно, привело бы к конфликту.

Порицание может выражаться посредством положительной оценки лица, не присутствующего при разговоре, при этом достоинства отсутствующего противопоставляются недостаткам адресата, выигравшим при сравнении их с поведением обсуждаемого лица: *Und hoflich war er auch! Davon könnte mancher sich eine Scheibe abschneiden* (*Konsalik*). Еще пример, в котором порицание основывается на сравнении адресата и его отрицательно оцениваемого качества — излишней, на взгляд говорящего, говорливости — с голубями, которые, если и обладают какими-либо недостатками, то, по крайней мере, не говорят глупостей: *Prost Mahlzeit! Ich geh in 'n Schlag. Die Tauben quatschen wenigstens nicht* (*Konsalik*).

Нельзя не упомянуть и такую стратегию порицания с соблюдением всех правил этикета, как оценка лиц, ответственных за воспитание адресата, привитие ему тех или иных качеств, обучение его тем или иным навыкам. В следующем высказывании адресат порицается за неумение вести себя, при этом формально оцениваются его родители, не справившиеся, по мнению говорящего, с поставленной перед ними воспитательной задачей: *Junge, deine Eltern sind nicht gerade Meister in Sachen Kindererziehung* (*Matzuoka*). Такая стратегия является средством деинтенсификации порицания, снятие вины с адресата, переложение ее на третьих лиц.

Важной и очень действенной стратегией порицания является «вторжение» в коммуникативное пространство адресата, т. е. лишение адресата «права на речь», настаивание говорящим на собственном сценарии коммуникации, сознательное игнорирование интересов партнера. Коммуникативный дисбаланс устанавливается, например, при оценке говорящим коммуникативной компетентности партнера, негативная характеристика его вы-

оказывания: *Ich verbitte mirfreche Antworten!* (*Konsalik*). Она направлена на захват коммуникативной инициативы, на девальвацию его высказываний по причине его коммуникативной некомпетентности. По аналогии с известным термином «коммуникативное самоубийство» Т. А. Воронцова³ вводит понятие «коммуникативное киллерство» — уничтожение высказываний партнера, которое, однако, не всегда удается, адресат, уверенный в своей правоте, может возразить, в таком случае порицание не достигает своей цели и ситуация перерастает в конфликт, ср. продолжение речевого фрагмента: — *Ich verbitte mir freche Antworten!* — *Und ich verbitte mir, dass h inter me in em Rae ken — Sie verbittetmiretwas!Meine Tochter verbittetsich etwas von mir!Du bist noch nicht zu alt, als dass ich dir nicht ein paar hinter die Ohren geben .. wurde!* (*Konsalik*).

2. Порицание с имплицитной оценкой. Другой тип порицаний — констативов — порицания, в которых оценка не выражена эксплицитно, для ее выведения требуется применение некоторых мыслительных усилий. Такое порицание реализуется при помощи интенсификаторов, частиц, а также восклицательных выражений, которые показывают, что говорящий оценивает поведение, действия адресата отрицательно: *Du tust mir weh, William* (*Konsalik*) — порицание-констатация небенефактивного для говорящего действия адресата указывает на имплицитирование отрицательной оценки этого действия и порицание за его исполнение: *Du tust mir weh, William. Ich schdtze es negativ ein und werfe es dir tadelnd vor.* Еще пример: *Du hast bis jetzt fünf Tage gearbeitet* (*Konsalik*) — констатация небольшого срока работы в определенной прагматической ситуации превращается в упрек — говорящий порицает адресата за безделье, за нарушение правил и договоренностей. Это порицание лишено каких бы то ни было средств интенсификации и эскалации эк-

спрессивной насыщенности, несмотря на то, что адресат действительно «заслуживает» опенки в экспрессивно утрированной форме: говорящему важно не допустить «эмоционального перехлеста» в ущерб целям общения в данной ситуации. Но авторитет говорящего, вес его положения оказываются необходимое влияние, сила воздействия его порицания заключается именно в краткости и строгости констатации, концентрирующей отрицательную оценку как удар молнии. В таких «строгих» порицаниях проявляется особенность хоноративного общения, характеризуемого стремлением к объективному отражению личности адресата и ее коррекции в соответствии с требованиями общества⁴.

Конвенциональными в этой группе порицаний-констативов являются высказывания, выражающие предположение или утверждение о психическом заболевании говорящего: *Da hast du dich auf etwas Schdnes eingelassen. Eine Liebschaft mit einem Knecht! Du musst nicht recht bei Trost sein, Madl!* (*Steingruber*). Подобные высказывания легко инферируются, мыследействия говорящего открыты: поступать настолько нелогично, на его взгляд, может только психически больной человек, отсюда предположение о незддоровье адресата (*Luigi, du bist wohlverriickt!<...>* (*Konsalik*)) или констатация этого (*Du spinnst ja! <...>* (*Brehm*)).

Порицанием являются высказывания-предположения о выполнении адресатом действий, являющихся недопустимыми или нерациональными в данной ситуации: *Sie pennen wohl!* (*Noll*) — порицание солдату, не сумевшему сразу отреагировать на вопрос старшего по званию; *Da haben Sie bestimmt Ihre Fingerpatschen hinterlassen, was Constable* (*Graham*) — порицание незадачливого деревенского полицейского, допустившего уже несколько промахов при расследовании убийства, предположение об очередной ошибке

является если не естественным, то, по крайней мере, логичным.

Произнося порицания с имплицитной оценкой, говорящий ориентируется на фоновые знания и языковую компетенцию, он рассчитывает на способность адресата восстановить эксплицитно не выраженную информацию. Такие порицания полностью зависят от контекста. Фактором, оказывающим влияние на их прагматическую сущность, оказывается признак релевантности содержания высказывания для данной ситуации общения. Высказывание *Aber ich habe keine Vorräte droben, und dies hier ist ein Laden. Ich kann mir keinen Grund vorstellen, dass du es verweigerst, bei dir das Nötigste einzukaufen* (*Brunner*) порицает за невежливость в общении, оно опирается на ситуацию, где хозяйка сельского магазина отказывается по только ей известным причинам обслуживать покупателя — автора порицания.

Интересны высказывания, в которых говорящий, казалось бы, никаким образом не касается адресата порицания, говорит только о себе, но представление себя в положительном свете, положительная саморепрезентация бросает тень осуждения на адресата и является порицанием его действий и поступков, как, например, в следующем речевом фрагменте: — *Magst du eine Halbe? — Der Himmel bewahre mich, ich müsste Siindenfürchten! Ich trinke nie Alkohol!* (*Steingruber*). Порицающий в представленном высказывании отказывается от предложения выпить с партнером пива, называя употребление алкоголя большим грехом. При интерпретации его слов адресат учитывает максиму релевантности (говорить только то, что имеет отношение к данной ситуации) и распространяет греховность предложенного действия и на себя: *Ich trinke nie Alkohol, weil es eine Sünde ist; jeder, der Alkohol trinkt, ist Sunder. Du trinkst Alkohol, folglich siindest du auch, das missbillige ich und werfe es dir tadelnd vor.*

При анализе нам встретилась еще одна интересная стратегия выражения имплицитной оценки и порицания — угроза третьему лицу, высказанная адресату: *Persy! Ich enterbe tneinen Neffen, wenn er Sie nicht entlässt!* (*Konsalik*). Адресатом порицания является дворецкий молодого дворянина и его друг, который, зная свое особое положение и обладая веселым нравом и острым языком, не упускает возможности подшутить над суетливой, очень эмоциональной, но, в общем, абсолютно безобидной тетушкой своего хозяина. После очередной шутки она в сердцах угрожает лишить племянника наследства, если он не избавится, наконец, от своего слуги. От истинного смысла высказывания интерпретатора отделяет всего один семантический шаг: *Sie sind frech und nicht respektvoll! Mein Neffe soll Sie entlassen! Ich enterbe meinen Neffen, wenn er Sie nicht entlässt!*

3. Семантическая инверсия в порицании. Высказывания с инвертированным знаком оценки являются продуктивным типом высказываний порицания: *Du bist mir ein schdner Germane, kannst nicht mal saufen!* (*Noll*). Несмотря на наличие положительно-оценочного прилагательного *schdn*, высказывание однозначно квалифицируется адресатом как осуждение, упрек. На переход положительной оценки в отрицательную указывает наличие личного местоимения в *datus ethicus* (*Du bist mir ein schdner Germane*), показывающего эмоциональную задействованность говорящего в содержании высказывания, а также интенсификатор-квалифициатор *nicht mal*, выражающий степень «падения» адресата в глазах автора порицания (*Das Wenigste, das ein Germane muss tun kdnnen, ist Saufen. Du kannst nicht mal das. Diese Tatsache werte ich als deinen grofien Nachteil ein und werfe sie dir tadelnd vor*). Семантическая инверсия в порицании — это обмен психологическими «уколами», которые являются скорее этикетными формами косвенного выра-

жения агрессии, это ироничное, а значит, более язвительное порицание. Ирония является в таких случаях своеобразной попыткой примирить две противоположные интенции — стремление исправить недостаток, с одной стороны, и стремление уязвить, с другой. Высказывание *Sehr schön, dass man dann den alten Vater auch noch gniddigst unterrichtet!* (*Konsalik*) дает выход отрицательным эмоциям субъективной оценки, раздражению, недовольству, досаде, но оно облекает эти эгоистические проявления в форму согласия и одобрения, которая должна свидетельствовать о солидарности с партнером по коммуникации — налицо амбивалентный характер иронических высказываний порицания.

Этот краткий анализ констативных косвенных высказываний порицания до-

казывает стремление говорящего избежать открытого конфликта при выражении отрицательной оценки действий или поведения адресата: во всех приведенных примерах говорящий внешне ориентируется на адресата, соблюдая, по сути, самые главные максимы вежливости: максима одобрения (минимально выражается неодобрение по отношению к адресату), максима согласия (несогласие между говорящим и адресатом сведено к минимуму), максима симпатии (минимально выражается антипатия к адресату). Однако при сравнении эксплицированного содержания порицания с его невербализованной иллоктивной частью всегда существует неестественное, искусственное, но конвенционализированное соответствие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. - С. 53-56.

² Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 224.

³ Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: Автореф. ... д-ра. филол. наук. — Челябинск, 2006. — С. 34.

⁴ Девкин В.Д. Прагматика слова // Прагматика слова: Межвузовский сборник научных трудов. - М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1985. - С. 13.